

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА

ЭТОТ СНЕГ СЕГОДНЯ ПАДАЕТ НАВСЕГДА

медные трубы не разбирают нот,
вещие истины спят в глубине молчанья,
ищем, живём, записываем в блокнот
всё, что приходит ветрено и случайно –
голос летит по городу, невесом,
переплавляясь в миф, горловую песню –
снова гадаем, золото или сор,
вынесем ли, воскреснем...
музыка дремлет на заводном боку,
ночь призывает не нарушать обычай,
призрачный ловчий ищет в силках строку,
гордый своей добычей,
сон переходит в раду, солнце, свет,
бьётся забвеньё в гулкой аорте суши –
вслушайся в медные трубы, которых нет,
если умеешь слушать...

дитя растущих в небо фонарей
пророк что время голосом возвысил
ты доживёшь до отрывных календарей
до ветрено меняющихся чисел
но почему над пропастью во лжи
словами – рёбрами считаешь этажи
безбашенная юркая синица
в падении своём беспечно юн
тем кто услышит музыку твою
теперь алкоголически не спит(ь)ся
вы все набившие оскомину в душе
вам будет навсегда по двадцать шесть
по двадцать девятнадцать восемнадцать
уходит в бездну новая луна
но юность так пророчески точна
слепым стремленьем вовремя сорваться
и стать росой внезапного лица
сияньем золотым череповца
расколотым уральским самоцветом
дитя земли рождённое поэтом
печальный сын проросший сквозь отца

ВОЛЧОК

баюшки баю ложись на бочок
мир до утра в ожидании замер
ночью по городу ходит волчок
смотрит в людей золотыми глазами
в мире заблудших в стране дураков
ищет таких же бессонных волчков

ходит ощерив клыкастую пасть –
если не хочешь бесследно пропасть
просто иди вдоль обочины звёздной
к горлу безмолвия в лес в тишину
и оставайся до полночи грозной
спать на краю и роптать на луну

нужен волнения резкий скачок
чтобы внутри оказался волчок
с вечной тревогой в мохнатой груди
жадущий чужого призыва «приди
и утащи в заповедье своё
в мир где ни света ни сна ни краев»...

время придёт и за кромкой зари
пасмурный день дождёт фонари
выключит фары продрогших газелей
чтобы из окон на них не глазели
лишь заплутавшие сны у реки
будут светиться как волчьи зрачки

у печали тоже есть крылья
только они прозрачны
и потому практически не видны
они вырастают из света и тишины
из душевных домов барачных
из точки губительного дальстроя
где кончалась эра больших поэтов
из чужого лета встающего за спиной
из границы между тобой и мной
из больного солнца
ставшего медленным и ничьим
помолчим...
а потом пойдём и утопим звёзды
и на чёрном небе расставим волны
и воды потоки огнём потушим
городам на суше не ждать отлива
кораблям на море не ждать причала
отмотаем мир и начнём сначала
с бесконечно долгой высокой ноты
в бесконечно жаждущем пустом пространстве
где стирают память дела и лица
нас ведёт печаль у которой крылья...

первый день погоды лётной
продлевается конечно
человечек станет лёгким
беспросветным и крошечным
неосознанным для многих
неопознанным и зыбким
сбросит руки сбросит ноги
и дежурную улыбку
он теперь не так как раньше
он совсем не тот что прежде
кто когда-то строил дачу
или прятался в одежды
он – глубокий долгий книжный
он – свободный летний лучший
он проявится из ниши
и пробьётся из-за тучи
он пронзителен как полночь
он – озноб и жар под кожей
разве ты его не помнишь?
он и ты – одно и то же

да будет так – безмолвие и море
колючих дней, густых осенних слёз,
бесцветная табличка на заборе
«сезонное хранение колёс» –
до летнего счастливого конца
бутылки, банки, чувства и сердца
закупорены прочно – им отныне
теплом последней радуги мерцать...
и я мерцаю – видишь это пламя,
беспамятно плывущее над нами,
над солнцем неприкаянной земли...
мне ночью снова снилось – корабль
с забытыми родными именами
плывут... куда ж им плыть? блеснит роса
у прошлого на смуглых волосах,
и так темно, что впору разрыдаться
на августовской мертвенной груди –
дремучий сон, бессонные дожди
путают невозможностью остаться
там, где не страшно – хрупкий мир тепла
рассыплется на бисер слов и писем,
в которых мы до музыки возвысим
всё то, что память нам приберегла...
легко и неприкаянно внутри –
закрой глаза, не бойся и смотри,
плывёт по стеблям трав, по кронам сосен
в короткий день распахнутая осень –
твой новый ритм...

лёгкая тростинка на ветру,
может быть, сегодня я умру –
просто опознай меня, похожий,
в кровавом брожении под кожей,
в янтаре, врачующем кору...

кто я нынче? вещая трава,
вечная мольба или молва,
душной страсти привкус комариный,
марой ли, мареной ли, Мариной
я была – останутся слова...

ты на них попристальней гляди,
чтобы жила в твоей груди
ласточка с ахматовским прицелом –
станешь просветлённым, но не целым,
обернувшись в камские дожди

нынче холодна твоя кровать,
станем вместе море моревать...
вяжет рот, в пути сбивает с толку
терпкий вкус рябиновой настойки –
это значит, смерти не бывать...

это значит, ветрено-хмельна,
забродила времени вина,
и в чаду застолий будет литься
речь моя, полынь и медуница,
красная больная бузина

этот снег сегодня
падает навсегда
не поверишь
даже подумать больно
то ли день слюда
то ли слова вода
то ли звон струится
из маленькой колокольни
ночь аптека фонарь
мигающий на углу
сонный город зябнет
словно его раздели
и всё ближе ближе
сердце твоё и слух
к неземному
тёмному запределью
и уже на тебя
похожая но не ты
застывает в невидимом
облаке немоты

и ни слов твоих ни лица
никому не вспомнить
но дыханье твоё
знают улицы этих мест
эти двор и дом
и окна деревянный крест
и за этим крестом
ледяные альковы комнат
в тёмных комнатах
что ни призрак
то стон и скрип
ты хотела бы крикнуть
но голос давно охрип
и звучит не по-здешнему
и на других частотах
остаётся смотреть
как снег переходит в тьму
и стоишь и смотришь
и думаешь почему
бесконечно легче
покинуть свою тюрьму
только если уснёшь
и навеки забудешь кто ты